

**ЭТНИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1930–1950-х гг. В СССР
КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НАБЛЮДЕНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)***А. А. Бурыкин*

Тема этнических репрессий и депортаций обозначилась как предмет исследования в отечественной истории и смежных гуманитарных дисциплинах с конца 1980-х гг., хотя точное время начала этого процесса должны указать историографы грядущих десятилетий — перед нашим поколением стоят иные задачи. За время, прошедшее с начала перестройки, в научный оборот вошло большое количество материалов — по ним можно судить о том, сколько и какие из них еще остаются в архивах различных ведомств под разными грифами: кажется, почти никто из исследователей этой темы, актуальной для народов Северного Кавказа, еще не работал по данной проблеме в архиве Министерства обороны. Историографический обзор литературы по данной теме [Степанов 2009: 166–189] позволяет отметить и неоднозначную оценку трагедии народов в работах современных историков. Нет надобности спорить — все, чем мы располагаем сейчас: воспоминания, публицистика, поэтические и прозаические произведения, посвященные депортации калмыков, а также народов Северного Кавказа, образцы фольклора данного периода, — все это было актуально до сих пор на момент появления в печати и востребовано ныне как предмет истории народов и региональной истории, хотя явно не вписывается в концепции федеральных учебников. Прошедшие тридцать лет — сам по себе немалый срок для изучения любой проблемы, но на эти годы пришелся информационный взрыв, связанный с компьютерными технологиями, расширением издательских возможностей и отсутствием цензуры, и эти факторы многократно увеличили доступный ныне объем материалов по теме этнических депортаций. В свете сказанного одной из задач, обеспечивающих дальнейшие исследования по теме, должно стать обобщение и составление библиографии

по проблеме, сгруппированной по отдельным видам изданий, по жанрам обозреваемых источников и по их содержанию, где можно было бы представить и воспоминания, и рассказы, рассеянные по периодике, и авторские литературные произведения, и образцы фольклора с паспортными данными (сведениями об исполнителях и собирателях), а также издания документов и материалов, специальные исторические, политологические, правоведческие, этнографические работы, подготовленные исследователями Юга России и Северного Кавказа, специалистами из других научных центров. Данный призыв не напрасен: выясняется, что трехтомное издание «Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952», подготовленное С. У. Алиевой [Алиева 1993], выпущенное небольшим тиражом, уже знакомо далеко не всем, кто интересуется данной проблемой.

Исторические исследования, воспоминания взрослых и воспоминания детей, переживших дорогу в Сибирь и родившихся в Сибири, опыты художественного осмысления трагических исторических событий, междисциплинарный, прежде всего демографический анализ последствий депортации калмыцкого народа и народов Северного Кавказа в восточные регионы страны — этот материал гуманитарных научных дисциплин осмыслен как предмет исследования и как объект комментирующей критики. Как представляется, объем этого материала еще недостаточно осмыслен, как не определена и «внешняя граница» источников разнообразной информации по проблеме репрессий в Калмыкии и других регионах, а также не проведен философский и науковедческий анализ основ той политики, которая позволяла себе этнические репрессии [Бурыкин 2003]. Хочется задать вопрос, перефразируя профессора Преображенского из «Собачьего сердца» М. Булга-

кова: Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что нужно или можно выселять целые народы с их исторической родины в отдаленные места? Этнические депортации стали лучшим доказательством несостоятельности марксистского учения об обществе и государстве, ибо их дискредитируют и факты, и попытки защищать какие-либо действия партии и государства.

Имя писателя Роберта Штильмарка (1909–1985) стало широко известным читающей публике после феноменального успеха массовых переизданий романа «Наследник из Калькутты» во второй половине 1980-х гг. Однако судьба его последнего, самого значимого в литературной биографии писателя, романа «Горсть света» едва не стала трагической. Уже после смерти автора, в относительно благополучные в идеологическом отношении годы перестройки, экземпляры рукописи этого романа были конфискованы КГБ — уцелела лишь одна копия, сохраненная младшим сыном Р. Штильмарка, Дмитрием [Бурыкин 2006].

Роман Р. Штильмарка «Горсть света» столь значителен по объему, что его издание в полном виде до сих пор не осуществлено. Два тома из четырехтомного собрания сочинений Р. Штильмарка, которые должны были включать этот роман, изданы только в 2001 г. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. наследники Р. Штильмарка подготовили и опубликовали сокращенное издание этого произведения, которое увидело свет под заголовком «Падшие ангелы» — таково название одной из частей объемного романа. Роман «Падшие ангелы» был издан 50-тысячным тиражом в 1992 г. в Душанбе — столице тогда уже суверенного государства Таджикистан. В предисловии к указанному, и пока единственному, изданию имеются ссылки на предшествующее ему «огоньковское» издание этого романа [Штильмарк 1992: 6], но нам пока нигде, даже в каталогах крупнейших библиотек, не удалось обнаружить этого издания.

У Р. Штильмарка мы читаем: *«Живущему в стране, имеющему кое-какой опыт, добытый за последние десять-двенадцать лет, было очевидно, что страна вступает в новую полосу террора и массовых гонений.*

Вождь Народов никак не мог простить этому народу свои собственные просчеты и неудачи! По счетам истории народ теперь и должен расплачиваться всем — и шкурой, и кровушкой, и лишениями! И за

неудачное начало войны, и за все материальные потери (потери иные, кроме материальных, Вождя мало тревожили), и за нехватку терпения, хотя в истории человечества не было примеров столь великого долготерпения, какие явил человечеству в этой войне народ великорусский, а с ним и «меньшие братья», белорусы, украинцы, и прочая, и прочая люди наша... Но у Вождя были на сей счет иные понятия, и он это показал!

Чем ближе усматривался конец войны, тем свирепее становился террор — Вождь мстил своим обидчикам! Аресты опять стали явлением повседневым. Косяками шли в новые и старые лагеря эшелоны бывших военнопленных (как смели выжить!). Этап за этапом гнали на Север тех, кто уцелел в оккупации, под немцами, румынами, мадьярами, итальянцами.

Грубо, насильственно, поголовно выселяли с Кавказа, из Крыма, Украины и Прибалтики десятка полтора народностей, признанных виновными в пособничестве врагу. В тюрьме говорили о депортации чеченцев, месхов, карачаевцев, ингушей, крымских татар, калмыков, болгар, греков, бывших немецких колонистов с Юга и всех жителей ликвидированной республики немцев Поволжья; тысячами выселяли из Прибалтики латышей, эстонцев, литовцев. Здесь, в Бутырке, оказалось немало свидетелей этих жесточайших расправ над «националами». Называли и фамилии тех партийных и чекистских руководителей, кто отличался особой бесчеловечностью. Прибалты упоминали Сулова¹, кавказцы с ужасом называли генерала Серова². Пере-

¹ Сулов Михаил Андреевич (1902–1982) — в 1937–1939 гг. первый секретарь Ростовского, в 1939–1944 гг. первый секретарь Ставропольского обкома ВКП(б), организатор депортации карачаевцев в Сибирь и Казахстан. В конце 1944 г. был направлен в Литву и возглавил Бюро ЦК ВКП(б), наделенное чрезвычайными полномочиями и ставшее высшей властью в республике, где работал до 1946 г. С 1948 г. организатор и руководитель кампании по борьбе с космополитизмом, позже — инициатор гонений на диссидентов (см. [Медведев, Ермаков 1992]).

² Серов Иван Александрович (1905–1990), с июля 1941 г. по февраль 1947 г. заместитель наркома внутренних дел СССР, член комиссии ГКО по организации обороны Северного Кавказа, один из основных исполнителей решений о депортациях. В 1962 г. лишен ордена Суворова,

давали, как автоматчики окружали ночью обреченное селение, как выгоняли из саклей и хижин сонных жителей, как беспощадно расстреливали тех, кто пытался бежать, в горах Грузии и Дагестана. Их зверски подавляли с воздуха (и с тех пор в долинах устроены небольшие секретные аэропорты со взлетными площадками). Обо всем этом перешептывались в камере... Где ж тут было черпать оптимизм и веру в некую абстрактную справедливость? [Штильмарк 1992: 368–369].

Вообще известно, что рассказы о военных и политических событиях, которые принадлежат людям, находящимся в тюрьмах и лагерях, не отличаются достоверностью или имеют характерную для них мифологию. В приведенном отрывке текста, как кажется, вымысла нет, хотя он явно собран автором из устных рассказов нескольких своих сокамерников, которые были участниками событий, происходивших в разных местах и в разное время. В этом контексте весьма показателен тот локус, в котором выражается сочувствие к незаслуженно репрессированным людям и целым народам, — в середине 1940-х гг. оно могло проявляться в открытую только в одном месте — и таким местом были тюремная камера или лагерный барак. На свободе этого не могло быть. Можно только размышлять над тем, какова цена этой полунравственности, носители которой не пострадали в ходе социальных или этнических репрессий, и какую мрачную роль сыграла эта полунравственность, согласно которой сострадание и сочувствие к людям можно выражать только с разрешения государства, в формировании общественной и политической ментальности у представителей следующих поколений — той ментальности, с ущербностью которой мы сталкиваемся и в наши дни.

Судьба книги всей жизни Р. Штильмарка — романа «Горсть света» — уже в наши дни оказалась поразительно сходной с другой книгой об этнических репрессиях — романом московской писательницы Ирины Велембовской (1922–1990) «Немцы», посвященным судьбе жителей Германии, вывезенных в трудовые лагеря в СССР. Этот роман не увидел света ни во время пе-
в 1963 г. разжалован из генералов армии в генерал-майоры и лишен звания Героя Советского Союза, в 1965 г. исключен из КПСС, в 1995 г. лишен польского ордена «Виртути милитари» (см. [Петров 2005]).

рестройки, ни в 1990-е гг., и был издан только в 2002 г. [Велембовская 2002] — тогда же, когда была опубликована в полном виде «Горсть света» Р. Штильмарка.

Факты, связанные с историей этих романов — наверное, их перечисление может быть продолжено, — побуждают обратиться к наблюдениям над тем, какова была вообще судьба произведений с упоминаниями о репрессированных народах. Здесь выявляется много любопытных и знаковых пересечений. Один из однокашников и друзей академика А. Д. Сахарова, М. Л. Левин вспоминал: «*Андрей, пожалев, что слишком долго жил с моделью “царь-батюшка добрый, а министры — злые”, спросил, когда у меня появился надлом в отношении к Сталину: — «В 44-м на Лубянке или в 48-м, когда арестовали твою маму?» — «В 37-м». — «Неужели ты тогда был умнее Эренбурга и Симонова*? Или из-за расстрелянных полководцев гражданской?»*».

Примечание под звездочкой при фамилии К. Симонова таково: «**При первой нашей встрече в 56-м году Андрей спросил, заметил ли я симоновский фортель на 150-летнем юбилее Пушкина. Чтобы не прогневить Сталина, Симонов, декламируя «Памятник», опустил “...друг степей калмык”*» [Сахаров 1996, т. 2: 731].

Аналогичные наблюдения встречаются и в текстах других авторов. Так, А. М. Мелихов в своем романе, основанном на воспоминаниях, писал: «*Национальности — все они были кличками, но все-таки они были еще и национальностями: клички не попадали в книги. «Фрицы» не попадали, а немцы попадали, «калбиты» не попадали, а казахи попадали. Чечены тоже: злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал. А вот «ингушами» только пугали детей. И вдруг в «Тихом Доне» (уже понимая, что к чему: выискивая материнские сцены) я наткнулся на «мягко сказал ингуш». Как, как?.. Да это же... Я бросился к дружку Сашке Каблукову: «В книжке написано: ингуш!» Он тоже не поверил и тоже правильно прочитал лишь с третьего раза — а то все был игнуш, да игнуш — а ведь и он был отпрыск культурного, трестовского семейства» [Мелихов 2004]. Цитируемой фразы нет в романе М. Шолохова «Тихий Дон» — возможно, автора подвела память или имеется в виду более раннее издание романа — фактом остается то, что ингуши упомянуты в «Тихом Доне» шесть раз, и какова была*

судьба текста романа в 1940–1950-е гг., пока не ясно.

В теме этнических репрессий исключительно важным является та составляющая, которую мы пытаемся сделать предметом своего внимания, — отражение названных событий в современной этносоциокультурной сфере.

Так, в учебнике «Родная речь» в начале 1960-х гг. печаталось стихотворение М. Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня», в котором, как известно, есть такие строки: «По камням струится Терек, Плещет мутный вал, Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал». В учебнике эти строки отсутствовали. Автор данной статьи недоумевал: как такое может быть — ведь бабушка, Елизавета Петровна Серебренникова (1897–1980), окончившая в 1915 г. учительскую семинарию в Барнауле, ойротка (алтай-кижи) по своей бабушке, читала это стихотворение вслух без купюр: выйдя на пенсию в 1951 г., она не знала, что программное стихотворение великого поэта в новом учебнике покромсали³. Впрочем, этот пассаж и некоторые поговорки с упоминаниями других представителей народов России и сейчас являются предметом специфических рекомендаций: «Для детей, у которых еще не сформированы базовые представления о жизни, это должно оставаться за рамками учебника» [Ивина 2000].

Не приходится удивляться, что моя бабушка, рассказывая разным знакомым и дальним родственникам о своей жизни в 1941–1944 гг., проведенных в эвакуации в Курганской области, когда она, видимо, оказалась невольным свидетелем страданий ссыльных калмыков в Сибири, всегда переходила на полупшепот — возможно, не знала, что об этом уже можно было говорить, не скрываясь и не таясь.

Другим предметом недоумения автора этих строк, родившегося в Ленинграде, выучившегося читать в 1957 г. и отправившегося в школу в 1962 г., стал вопрос — где вообще находится Калмыкия? В Большой Советской энциклопедии, которая имелась дома, в 19-м томе на с. 445 упомянуто только село Калмыково в Западно-Казахстанской области (том подписан к печати 16

³ Отдельная тема — то, что после 1960-х гг. в континууме литературы можно найти более 30 цитат этого стихотворения М. Ю. Лермонтова, в целом характеризующих межэтнические отношения в СССР и России XX века.

июня 1953 г.). Разумеется, речь идет о 2-м издании данной энциклопедии, другого в обороте не было до 1970 г. Ответа на этот вопрос не давал и «Атлас мира», где в подборках карт разных районов СССР Калмыкии тоже нигде нет, и нет ни одного ориентира, по которому ее можно было бы найти (этот «Атлас мира», принадлежавший отцу автора, Алексею Павловичу Бурькину, был тоже издан в 1953 г.).

То, что в первом томе «Сравнительной грамматики монгольских языков» Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953] калмыцкий язык отсутствует в перечне монгольских языков и вместо него присутствует «ойратский», уже не удивило пишущего эти строки в конце 1970-х гг.: наблюдаемые факты стали повторяться.

Позже, когда автор, считающий себя неплохо знающим историю Второй мировой войны и вкусивший патриотического воспитания на ее героях, посвятил себя гуманитарной науке, ему довелось в одной из книг по истории калмыков прочитать рассказ о Владимире Хомутникове, который в августе 1945 г. погиб, протаранив на подбитом самолете японский корабль [Алексеева 2002; см. также: Хомутников 2013: 50]. Память отозвалась так: ни на одном флоте в годы Великой Отечественной войны ничего подобного не случилось, подвиг остался неизвестным. В книге П. Н. Иванова, рассказывающей о действиях советской морской авиации в годы Второй мировой войны [Иванов 1973], об этом подвиге ничего не говорится.

Из книги Х. П. Хомутникова нам стала известна дата гибели В. В. Хомутникова — 10 августа 1945 г. [Хомутников 2013: 50]. Это дало возможность соотнести данное событие с тем, что нам известно о боевых действиях авиации и флота в этот день августа 1945 года. В справочном издании К. Б. Стрельбицкого, посвященном войне СССР с Японией на море, в числе потерь авиации ВМФ 10 августа 1945 г. значатся 4 самолета ДБ-3ф (из состава 2-й минноторпедной авиадивизии), сбитых зенитным огнем японских кораблей и судов над Японским морем (из них 2 — эскортным кораблем № 82) и 2 самолета Ил-2 (из состава 37-го штурмового авиаполка 12-й штурмовой авиадивизии), сбитых огнем японской зенитной артиллерии над Расином [Стрельбицкий 1996: 28]. Становится понятным, что В. В. Хомутников погиб на одном из

дальних бомбардировщиков-торпедоносцев ДБ-3ф. Сами по себе эти данные еще ничего не проясняют. Но в другом разделе книги, посвященном потерям японских ВМС, под 10 августа 1945 г. отмечено: «10 августа. Эскортный корабль № 82 (см.: справку⁴) в 18:10 потоплен тремя самолетами-торпедоносцами ДБ-3ф из состава 3-го минно-торпедного авиаполка 2-й минно-торпедной авиадивизии в Японском море в точке с координатами 41°21' с. ш., 131°12' в. д. (или 130° в. д.). Становится понятным, что один из торпедоносцев, погибших 10 августа 1945 г., протаранил эскортный корабль № 82. В его экипаже и был В. В. Хомутников. Почему об этом подвиге морских летчиков нельзя было рассказывать раньше?

В этой истории остается еще много неясностей, восходящих как к концу 1940-х гг., так и к концу 1980-х гг. Как отметил А. Б. Широкоград в еще недавно секретной «Хронике боевых действий Тихоокеанского флота», вышедшей в 1949 г., в числе потерь японских ВМС указываются два эсминца — но реально это был один корабль № 82, отнесенным к фрегатам [Широкоград 2008: 362]. О нем автор данной книги пишет: «Его потопили у мыса Болтина (у берегов Северной Кореи) самолеты Ил-4 [иное обозначение самолетов ДБ-3ф. — А.Б.], которыми командовал майор Попович. За этот бой Попович получил звание Героя Советского Союза» [Широкоград 2008: 362]. В доступных источниках указывается, что майор Г. Д. Попович удостоен звания Героя Советского Союза 15 сентября 1945 г. за уничтожение японского эсминца [Герои Советского Союза, 1987, т. 2: 310]. То, что потопленный корабль относился не к эсминцам, а к кораблям эскорта, и то, что при атаке были потеряны два наших самолета, нигде не указывается.

В наши дни не только открываются архивы и появляются объективные и прав-

⁴ Справка: «№ 82 — эскортный корабль японского Императорского ВМФ типа Д. Спущен на воду 18.11.44, вступил в строй 03.02.45. Основные тактико-технические характеристики: водоизмещение — 740/940 т, размеры — 69,5 х 8,6 х 3 м, мощность паровой турбины — 2 500 л. с., максимальная скорость — 17,5 узлов, дальность плавания 14-узловым ходом — 4 500 миль, вооружение — два 120-мм и до шестнадцати 25-мм орудий, 1 бомбомет, 120 глубинных бомб, экипаж — 120 человек» [Стрельбицкий 1996: 9].

дивые книги о репрессиях и депортациях (см., в частности: [Максимов 2004]), но и работы, в которых под теми или иными предлогами ставятся задачи и делаются попытки любыми средствами оправдать существовавший режим (ср.: [Романенко 2011]). Разумеется, в исторической публицистике можно соблюдать принцип *audiatur et altera pars* — «да будет выслушана и другая сторона». Однако в беспристрастных исторических исследованиях все же не найдется оправдания как личностным, так и массовым этническим репрессиям и депортациям, и можно только поражаться, какие глубокие социальные, этнические, общекультурные и общегуманитарные последствия имеют эти события, казалось бы, уже так далеко отстоящие во времени.

Литература

- Алексеева П. Э. Богшрахинский аймак и богшрахинцы. Краткие исторические очерки / автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 255 с.
- Алиева С. У. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1–3 / сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. 448 с.
- Бурыйкин А. А. Калмыцкая тема в возвращенной русской литературе: романы В. Гроссмана и Р. Штильмарка // Литература в движении эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2006. С. 105–113. 170 с.
- Бурыйкин А. А. Этнос и личность как объект политики в СССР: какова же в реальности была марксистско-ленинская национальная политика? // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е годы XX века. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 23–29.
- Велембовская И. Немцы. Роман. М.: Минувшее, 2002. 280 с.
- Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. М., 1988.
- Иванов П. Н. Крылья над морем. М.: Воениздат, 1973. 304 с.
- Ивина Н. Карамзин — фамилия татарская // Известия. 17 мая 2000.
- Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М.: Республика, 1992. 237 с.
- Мелихов А. М. Исповедь еврея. М.: Лимбус Пресс, 2004. 368 с.

- Петров Н. В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. 416 с.
- Романенко К. К.* «Если бы не сталинские репрессии!» Как Вождь спас СССР. М.: Яуза-пресс, 2011. 576 с.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Том 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 506 с.
- Сахаров А. Д.* Воспоминания: в 2 т. / ред.-сост.: Е. Холмогорова, Ю. Шиханович. М.: Права человека, 1996. 910 с.
- Степанов М. Г.* Депортация калмыков и северокавказских народов СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1956 гг.): краткие историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 166–170.
- Стрельбицкий К. Б.* Август 1945. Советско-японская война на море. Цена Победы. Львов: «Львов», 1996. 121 с.
- Хомутников Х. П.* Жизнь и судьбы в годы репрессий. Элиста: АПП «Джангар», 2013.
- Широкорад А. Б.* Япония. Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008. 464 с.
- Штильмарк Р.* Падшие ангелы. Душанбе: ЧП «Душанбе», 1992. 576 с.